

© 2010 г. Т. А. ОПАРИНА *

ВЫБОР ЧИНА ПРИЕМА В ПРАВОСЛАВИЕ ЗАПАДНЫХ ХРИСТИАН В ПЕРИОД МЕЖДУПАТРИАРШЕСТВА (1612–1619 гг.)

Перипетии русской политической борьбы начала XVII в. обусловили резкие повороты в оценке окружающего мира. Это отразилось и на способе приема в православие западных христиан¹. В рассматриваемый период имели хождение 2 канонических памятника, рассчитанных на католиков и протестантов. Тексты происходили из разных православных традиций, и выбор между ними определял поведение пастырей в Смуту. В восточнохристианской книжности впервые чиноприем для католиков появился в XV в. Его создание было обусловлено преодолением последствий Флорентийской унии. Церковная традиция связывает утверждение чина с Константинопольским собором 1484 г. Текст объяснял, что присоединение католиков в православие должно происходить через миропомазание. Русской традицией греческий чиноприем не был заимствован². Русские книжники опирались на более ранний канонический памятник – «Вопрошание Кириково» (XII в.)³ – ответы новгородского епископа Нифонта на вопросы диакона Кирика. Сочинение входило в состав Древнеславянской и Русской редакций Кормчей, а также Требников⁴. Текст не содержал чиноприема, однако четко оговаривал способ присоединения католиков к православию, предписывающий миропомазание. Первоначальная версия «Вопрошания Кирика» в более поздних списках подвергалась редактированию, в ходе которого второй чин заменялся на первый⁵. В XVI в. русская традиция выработала собственный чиноприем католиков и протестантов. Он вошел в состав так называемой Сводной редакции чиноприемов⁶. Текст определял первый чин в отношении инославных.

В настоящей работе главное внимание уделяется не столько рукописной истории чиноприемов, сколько церковной практике. Основными источниками являются делопроизводственные документы духовных и светских приказов. По степени сохранности ведущее место среди них занимает архив Казенного двора – хранилища государственных ценностей, поскольку власть одаривала принявших православие иностранцев. Эти документы позволяют восстановить динамику процесса обращения; они относятся к периоду после сентября 1613 г. Аналогичная информация о награждениях присутствует также в архивах тех светских приказов, в подчинении которых находились иностранцы, в них назначался размер выплат новообращенным. Наиболее емкими являются документы Разрядного приказа. Документация Панского приказа, в котором число иностранцев было максимальным, утеряна. Кроме того, материалы дипломатических переговоров об обращенных иностранцах находятся в фондах Посольского приказа. Документы духовных приказов почти полностью погибли в XVIII в. Отрывочные фак-

* Опарина Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, начальник научного отдела Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника Коломенское–Измайлово–Лефортово–Люблино.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-00166а.

Автор приносит благодарность Е.В. Беляковой, И.О. Тюменцеву, В.Г. Ченцовой, А.В. Толстикову, Е.И. Кобзаревой, Д.В. Лисейцеву, А.А. Булычеву, А.В. Лаврентьеву за помощь в работе.

ты о деятельности местных учреждений дают информацию о присоединениях к православию в регионах⁷.

Определенно говорить о предпочтении одного из чинов в Русской Церкви можно начиная с периода правления Лжедмитрия I и патриарха Игнатия⁸. На церковном Соборе 1606 г., несмотря на противодействие Казанского и Свяжского митрополита Гермогена, патриарх Игнатий принял постановление о миропомазании невесты Лжедмитрия I католички Марины Мнишек. Греческий пастырь принял ее в Русскую Церковь вторым чином. Вероятно, он основывался на греческом чиноприеме, переведенном на славянский язык не позднее первых десятилетий XVI в. Католической стороной миропомазание воспринималось как венчание на царство, а не смена веры.

Василий Шуйский и патриарх Гермоген отказались от подобного подхода. Патриарх Гермоген жестко следовал установлениям Сводной редакции чиноприемов. Еще на соборе 1606 г. он настаивал на перекрещивании Марины Мнишек перед ее венчанием на царство, видимо, предполагая совершать таинство по Сводной редакции чиноприемов. В 1610 г. Гермоген требовал повторного крещения польского принца Владислава при его вступлении на русский трон⁹. В посольство под Смоленск он передал Ростовскому митрополиту Филарету список Сводной редакции чиноприемов. В осажденном Смоленске Б.М. Шеин выполнял требование главы Церкви о перекрещивании католиков и протестантов. Так, в мае 1610 г. по его указанию новообращенным «литвину» и «немчину» покупались нателный крест и белье (для крещения)¹⁰. В переговорах между представителями Первого и Второго ополчений о предложении российского престола шведскому принцу Карлу-Филиппу первоначально также вставал вопрос о необходимости получения от шведской стороны гарантий перекрещивания¹¹. Лжедмитрий II и Ростовский митрополит Филарет, получивший в тушинской ставке титул «нареченного патриарха», не оставили свидетельств. Можно предположить, что в лагере второго самозванца этой проблемы не существовало и практика приема в православие отсутствовала. Безусловно, Филарет менял свою позицию. Ранее, на соборе 1606 г. он принял сторону патриарха Игнатия, позже, в 1610 г. последовательно отстаивал линию патриарха Гермогена.

Избрание в 1613 г. на престол Михаила Федоровича Романова основывалось, в том числе, на авторитете его отца – митрополита Филарета. Собор утвердил за пастырем титул «нареченного патриарха». В ожидании возвращения из польского плена Филарета установилось междупатриаршество. Местоблюстителем патриаршего престола был определен Казанский и Свяжский митрополит Ефрем (венчавший на царство Михаила Федоровича). Местоблюститель Ефрем недолго возглавлял Русскую Церковь (скончался 26 декабря 1613 г.); он был преемником Гермогена на Казанской кафедре и являлся его единомышленником в борьбе с Лжедмитрием II¹², что дает основания предположить поддержку им перекрещивания. Региональному духовенству, непосредственно оказавшемуся перед выбором чиноприема, предстояло самостоятельно принимать решения.

Сильвестр, епископ Корельский и Орешковский (1595–1612 гг.), постоянно сталкивался с проблемой вступления в Русскую Церковь католиков и протестантов. В состав его епархий входили Корела, Орешек, Копорье, возвращенные России по Тявзинскому миру 1595 г. В 1609 г. царь Василий Шуйский решил передать Корельский уезд Швеции в уплату за военную помощь корпуса Якоба Делагарди в борьбе с войсками Лжедмитрия II¹³. Местная власть в Кореле отказалась признать решения верховной власти и перейти под управление шведского короля. Виновником неповиновения шведский историк Юхан Видекинд считал епископа Сильвестра¹⁴. В марте 1611 г. защитники Корелы, которых осталось не более сотни, вынуждены были начать переговоры о сдаче крепости. Шведские комиссары настаивали на выдаче епископа как государственного преступника, однако угроза взрыва крепости изменила их планы. Архиерей сумел выйти с остатками гарнизона, унеся от осквернения протестантами иконы и церковную утварь¹⁵.

Патриарх Гермоген перевел Сильвестра в Вологодскую и Великопермскую епархию с титулом архиепископа. Здесь, однако, противостояние пастыря с западным христианством продолжилось. Противниками на этот раз стали в основном католики. Шведов заменили «польские и литовские люди», а также «черкасы». Вологда оказалась в эпицентре казацких восстаний¹⁶. 24 сентября 1612 г. отряды украинских казаков атаковали Вологду, город был разграблен, большинство жителей убиты, архиерей брошен в тюрьму. Сильвестр описал в грамоте в Москву нашествие: «Нынешнего 1612 г. сентября 24 дня в последнем часу ночи разорители нашей чистой, православной веры и ругатели креста Христова, поляки и литва с черкасами и русскими изменниками нечаянным набегом пришли в Вологду, взяли город, умертвили людей, осквернили церкви Божия, сожгли город и посады; воевода князь Иван Одоевский ушел, а окольный и воевода князь Григорий Долгорукий и дьяк Истома Карташев убиты; меня грешного взяли в плен, держали у себя 4 ночи и не раз присуждали к казни, но Господь умилился надо мною, едва живого отпустили»¹⁷.

Украинские казаки покинули Русский Север, и Сильвестру предстояло возрождать церковную жизнь. Актуальной стала проблема присоединения к православию бывших захватчиков и, вероятно, части прежних пленников. Согласно традиционному праву военная добыча рассматривалась как собственность победителей. Одним из инструментов похолопливания являлось перекрещивание¹⁸. Вологодские помещики в соответствии с устоявшейся нормой стремились обратить пленников в православие. Ситуацию отражает челобитная священника церкви Архангела Михаила Тошенской волости Варфоломея. Его русская паства – «архангельский приход», «дворяне и дети боярские», обзавелись невольниками: «служат многие иноземцы, поляки и литва и немцы некрещены». Очевидно, что к представителям уездного вологодского дворянства попали в услужение (что можно трактовать как зависимость) иностранцы». Это были солдаты и офицеры польской армии (видимо, в основном католики), шведской армии (в большинстве протестанты), западные наемники. Владельцы настаивали на совершении приходским священником таинства крещения: «Велят крестить в нашу православную крестьянскую истинную веру». Пастырь не был уверен, как ему поступить. Он понимал, что навсегда закрепит пленников в зависимости. Очевидно, он не знал, насколько массовое и явно не добровольное обращение соотносится с канонической нормой. Не случайно в ответе архиепископа упоминался строгий надзор над иностранцами в период оглашения («говения»). Во избежание бегства перед таинством необходимо было «над ними беречь русских людей»¹⁹. Священник колебался и просил благословения своего архиерея, а также спрашивал, какой выбрать чин.

Сохранился ответ архиепископа Сильвестра на запрос приходского священника: он благословил обращение пленников, а на вопрос о способе их принятия в православие рекомендовал перекрещивание. Пастырь кратко описал последовательность обряда: «Иноземцом сначала говеть, а потом их крестить по правилу святых апостол и святых отец, а на отречение бы свою веру проклинали, отрицались от бесерменства»²⁰. Лаконизм фразы не дает возможности точно восстановить редакцию чинопоемов. Вероятно, Сильвестр основывался на Сводной редакции. Как отмечалось, в ней присутствовал единый для западных христиан чин, который предусматривал перекрещивание. В таком случае католиков и протестантов Вологодский архиепископ отождествлял не только друг с другом, но и с мусульманами. Безусловно, Сильвестр считал единственным возможным вариантом первый чин. Шведы, поляки, литвины, украинские казаки, с которыми ему пришлось неоднократно сталкиваться, воспринимались им как нехристиане. Сильвестр был знаковой фигурой Смуты и жестко придерживался линии патриарха Гермогена. Необходимо помнить, что Сильвестр был связан и с руководителями Второго ополчения²¹. После освобождения Вологды в том же 1613 г. Сильвестр был переведен в Псковскую и Изборскую епархию²². На новой кафедре контакты Сильвестра со сторонниками западного христианства продолжались. Псков и его пригороды испытывали непрерывный натиск. Войска Лисовского сменяли отряды Ходкевича, которых оттесняли подразделения Делагарди²³. В 1615 г. крепость осадил шведский

король Густав II Адольф. Город удалось отстоять, но архиепископ погиб при обороне. Место его захоронения неизвестно.

Борьба за северо-западные земли продолжилась до 1617 г., когда был подписан Столбовский мирный договор между Россией и Швецией. В период подготовки, а затем и после подписания договора, встал вопрос о размене пленных. Шведские комиссары говорили о необходимости возвращения всех захваченных соотечественников, как, впрочем, и наемников своей армии. Русская сторона официально полностью принимала эти условия, предполагая получить из Швеции собственных подданных. Поэтому русские власти откликались на все просьбы, однако требовали точных сведений. Шведская сторона подготовила несколько списков, в одном из них упоминались 206 человек: «В росписи ж написано: многие свейские полоненики розных земель в Руской земле в городех и в местех задержаны, а именем их не могли проведать. Толко тех полонеников, которые на Москве и в иных местех задержаны, добре знают имена их и ведают, прошают тово, чтоб их радельно сыскати. И по мирному договору которые имяны написаны, их опростати и отдати. А числом их 206 человек»²⁴.

При этом шведские дипломаты стояли перед реальностью обращения пленников в холопы. Уже отмечалось, что утеря свободы была типичной в период ведения военных действий. Часть военнопленных из-под Пскова и Новгорода попала в зависимость. Это были частные пленники или пленники «в государевом имени», посаженные в тюрьму до размены, однако взятые из заключения («вынуты») и похолопленные. Шведские комиссары пытались выволить и спасти невольников. Они передали несколько перечней с именами, однако не всегда владели информацией об их конкретном местопребывании и собственниках: «В росписи ж написано имяна свейским людем, которые полонены подо Псковом. А еще они живы. И как им об них ведово учинилось, числом их имяны написано 25 человек. А тово в росписи не написано, где они живут и у ково имянем. Сыскать про них некем. Тож, коли сами не ведают, где сыскать»²⁵.

Но самым главным пунктом противоречия оказался вопрос вероисповедания. Русская сторона соглашалась возвращать пленных (как зависимых, так и свободных) при одном важном условии – сохранении ими религиозных убеждений. Западных христиан русские власти формально не удерживали. Однако все иностранцы, принявшие православие, лишались права покинуть Россию, очевидно, в силу принятия ими полноправного подданства. Показательна история Клауса Мелрела, выходца из земель Священной Римской империи. Он попал в плен во время штурма Псково-Печерского монастыря (вероятно, в 1615 г.). После отхода шведской армии Клаус был переkreщен в псковском Снеготорском монастыре архимандритом Иосифом²⁶. Архиейер на себе испытал «лояльность» шведов в период осады Пскова 1615 г. 14 дней король Густав II Адольф дислоцировался в Снеготорском монастыре, братия была изгнана. После освобождения архимандрит выполнял предписания, отданные ранее архиепископом Сильвестром, и выбрал первый чин по отношению к западным христианам. Мелрел в дальнейшем стал холопом Василия Петровича Морозова.

Шведы знали о возможности обращения пленников в православие. Их аргументом стали ссылки на насильственное переkreщение. Как неканоничное, оно являлось недействительным. Еще на Дедеринском съезде шведские комиссары были хорошо осведомлены об этой ситуации: «И свейские послы государевым послом говорили, чтоб свейских полоняников, которые крещены силно... и тех бы, сыскав на Москве и в русских городех, отпустить всех в Свею. И государевы послы свейским послом говорили, что из свейских полоняников никто на Москве и в русских городех силно не крещен»²⁷.

Русская сторона никогда не признавала фактов недобровольного обращения. Ярким примером служит ответ архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия (Зобнинского) в 1618 г. В Посольский приказ обратился некий Мац Свенсон, попавший в услужение келарю Троице-Сергиева монастыря Авраамии (Палицыну). Авраамий направил пленника в обитель, отдав на попечение архимандриту. Иностранец был переkreщен, получив имя Емельян. Шведские комиссары располагали сведениями о

Свенсоне и просили вернуть его на родину, мотивируя вынужденностью решения о смене веры. Подобная трактовка была неприемлема для русского духовенства и категорически отброшена: «Того ж дни пришел немчин Мац Свенсон, крещен, а во крещенье имя ему Емельян. А жил тот Емельян у Троицы в Сергееве монастыре у Троицкого келаря, и по государеву указу отдан к Троице в Сергиев монастырь архимариту. А в немецкой росписи тот немчин написан, что он крещен поневоле. А троцкий архимарит Деонисей сказал, крещен-де он по воле, а не поневоле»²⁸. Дионисий настаивал, что таинство совершено без нарушения канонов, по желанию иностранца. В целом, во всех известных случаях действует общее правило. Таинство происходит свыше и, как следствие, необратимо. Если переход в православие случился, то он рассматривался как заведомо добровольный. Принявших православие (независимо от условий и ситуации присоединения) отказывались передавать шведским комиссарам. В случае холопства новообращенные возвращались владельцам: «Тех всех по государеву указу и по боярскому приговору отдать прежним их бояром, потому что крещены»²⁹. Как видим, в процесс перекрещивания пленных были вовлечены известные деятели Смуты. Помимо троцких архимандрита Дионисия и строителя Симона (Азарьина), чуть позже принимавшего иностранцев для оглашения на подворье Троице-Сергиева монастыря в Кремле, православными холопами из шведской армии обладали духовник царя Михаила Федоровича протопоп Кирилл, ближайшие родственники царя братья М.М. и Б.М. Салтыковы и др.³⁰

Однако не все военнопленные попадали в зависимость. Сохранили свободу, очевидно, «полоняники в государевом имени», выразившие желание служить русскому царю, а также предусмотрительно перешедшие на русскую сторону из уже побежденного войска – «перебежчики». Таких пленников рассматривали как «вышедших на государево имя» и направляли в Москву, в Разрядный приказ, для оформления бумаг. Свободных пленников, наряду с холопами, шведская сторона просила вернуть. Желающим уехать и указанным в шведских списках предоставлялось право отъезда. Но если звучал отказ покинуть страну (во всяком случае, в русской версии) или произошло принятие православия, пленники оставались в России. Норма выполнялась жестко: новообращенные не выпускались. Так, Виберх Яковлев (Олфер, Олоф, Вульф) был «взят в языках» до 1614/15 г. и, возможно, был похолоплен. Во всяком случае, он очутился «во дворе» другого иностранца – переводчика Еремея Еремеева. Последний, видимо, помог ему, дал свободу и рекомендовал в Посольский приказ. Яковлев был принят на службу в 1614/15 г. При этом он продолжал числиться в списке шведских пленников, предъявленных комиссарами в 1616 г. В 1618 г. шведские дипломаты повторили просьбу о его возвращении, однако Виберх, по словам русской стороны, отказался от такой возможности. В дальнейшем он еще долго числился в штате Посольского приказа³¹.

Документы свидетельствуют, что часть свободных иностранцев достигала столицы уже православными. Получалось, что обращения происходили на местах и при использовании первого чина. В столице от имени царя в Разрядном приказе им назначалось «жалованье за выход», которое они получали на Казенном дворе. Их награждали за вступление в службу к государю, ничего не выдавая за изменение веры. Например, многие присланные в 1617 г. из-под Пскова «выходцы» оказались православными. Среди них были представители разных этнических групп и подданные многих государств: «Цысарской», «Прусской», «Финской», «Датской», «Свийской», «Французской» земель и даже «черкасы». Существуют данные о награждении в Москве двух партий: от 22 февраля и от 17 марта 1617 г. В первом случае речь шла о 14 новообращенных и 38 немосковских христианах. Во втором случае иммигрантов фиксировала только одна рубрика – «новокрещены», что должно свидетельствовать об изменении вероисповедания всеми иностранцами. Эта группа насчитывала 52 человека³². Видимо, память о наследии архиепископа Сильвестра сохранялась у священников Пскова – духовенство продолжило его дело и перекрещивало пленников.

В то же время из-под Новгорода в 1617 г. иностранцы прибывали в Москву только в своей вере³³. Процесс перехода в православие «новгородских выходцев» затянулся

надолго. Так, в 1624 г. вступили в Русскую Церковь Алиес Фишер «Цысарской земли, люторской веры» и Ян Гиниман «Аглинской земли, кальвинские веры», «выехавшие из Великого Новгорода на Тихвину тому девятый год»³⁴. Можно предположить, что позиция Новгородского митрополита Исидора менялась в течение его пастырства. Известно, что митрополит располагал рукописью Сводной редакции чиноприемов³⁵. Новгород тогда был одним из центров перевода, переложения и переписывания антипротестантских и антикатолических произведений. Такие острополемические украинские и белорусские сочинения как «Книга о образех» (Вильно, 1596) и Книжицы в шести и в десяти отделах (Острог, 1598), привлекали внимание новгородских книжников. Перевод «Книги о образех» был осуществлен новгородским священником Стефаном, а владельцем одного из списков Книжиц – «игумен Илья новгородец»³⁶. Что касается перевода полемических трактатов, то, к сожалению, сохранившиеся рукописи не дают их точной датировки. Не ясно, были ли осуществлены переводы в период шведского присутствия, или (что вероятнее) после освобождения города. На Соборе 1606 г. митрополит Исидор подписался под приговором о миропомазании Марины Мнишек и участвовал в церемонии ее венчания. Но в том же году митрополит венчал на царство Василия Шуйского³⁷. Из рук нового главы Церкви Гермогена Исидор мог получить список Сводной редакции чиноприемов. Отметим также, что Исидор ранее был келарем Троице-Сергиева монастыря и вполне мог поддерживать связь с этой обителью, где в период междупатриаршества был игуменом Дионисий (Зобниновский), сторонник перекрещивания³⁸. Не исключено, что какое-то время Исидор следовал нормам Сводной редакции.

Однако документальных свидетельств применения Исидором Сводной редакции не обнаружено. По мнению А.А. Селина, в Новгороде в период оккупации установился «шведско-новгородский альянс». Свою роль в его становлении сыграл новгородский митрополит Исидор, осудивший антишведское выступление Тихвина, участников которого назвал «богоотступниками». На митрополичьем дворе останавливались на постой шведские солдаты, сбор налогов с православных церквей в пользу шведской администрации осуществлял архиерей³⁹. Митрополит не требовал даже перехода в православие шведского претендента на российский престол. Первоначально представители Первого ополчения настаивали на перекрещивании принца, но в ходе переговоров эта тема исчезла из документов. Как показала Е.И. Кобзарева, сюжет обращения в православие Карла-Филиппа не встречался в текстах, исходящих от новгородской стороны, в том числе и от митрополита Исидора. У Якоба Делагарди поэтому имелись основания информировать шведского короля о готовности новгородцев избрать Карла-Филиппа без изменения вероисповедания⁴⁰.

Очевидно, что во время шведской оккупации перекрещиваний не было. Но и после освобождения Новгорода пленники шведской армии сохраняли прежнее вероисповедание. Пастыри города и пригородов не ставили целью присоединить бывших захватчиков к Русской Церкви. Духовные власти отказывались от перекрещиваний (как впрочем, и от миропомазания). Однако это являлось скорее исключением из правила. Более типично дела обстоили в Пскове, где, как и в Вологде, имели место множественные примеры перекрещивания западных христиан. К пленникам и перебежчикам применяли первый чин в различных регионах. Дошли многочисленные свидетельства об обращении иностранцев из армий противников.

В период, когда Русский Север был обжат волной непрерывных военных столкновений, местом ссылки пленных стало Поволжье. Местная администрация нередко принимала решение об обращении пленников первым чином. Например, по указанию воеводы Алатыря, приходские священники на реке присоединяли к православию присланных к ним иностранцев. Интерес представляет рассказ двух братьев – французских наемников, очевидно, гугенотов, Астафия и Дмитрия Федоровых (Теодора и Михеля Гилбовых). Они поступили на службу к Василию Шуйскому, затем перешли на польскую сторону и оказались в войске гетмана Ходкевича. В составе польской армии Гилбовы участвовали в битве под Москвой 1612 г. 1 сентября 1612 г. Ходкевич

предпринял неудачную попытку прорваться к столице со стороны Новодевичьего монастыря, чтобы помочь находившемуся в Китай-городе и Кремле гарнизону Н. Струся. «Хоткеев бой» принес много пленников. Среди них оказались французы, вскоре высланные в Алатарь. Воевода А.В. Хилков нашел наиболее разумным не держать их в заключении, а перекрестить. Братьев «вынули ис тюрьмы» и привели к р. Суре, где согласный с действиями воеводы священник совершил таинство. Важно отметить, что присоединение произошло без оглашения, и, соответственно, без обучения русскому языку и нормам православия. Как православных и, соответственно, уже считавшихся совершенно лояльными, французов в статусе служилых иноземцев отпустили в Нижний Новгород. Иностранцы поняли суть происходящего, однако не стали истовыми православными. В церковь они не ходили, и, соответственно, не исповедывались и не принимали причастия. Обходясь без духовного отца, они мало разбирались в русских канонических нормах. Один из них вступил в Нижнем Новгороде в смешанный брак, и оба постоянно совершали совместные трапезы со своими соратниками по оружию – служилыми иноземцами. За подобные контакты с неправославными Гилбовых заново перекрестили в 1625 г.⁴¹

Другой французский наемник – католик Будиня, очевидно, входивший вместе с Гилбовыми в один отряд, попал в плен одновременно с ними под стенами Новодевичьего монастыря. Местом его заключения был определен Курмыш, где при схожих обстоятельствах он стал православным. Воевода С. Ладыгин приказал забрать француза из темницы, а затем на реке священник Богородицкой церкви Фрол присоединил его первым чином. Далее француз оказался в Нижнем Новгороде, где, как и Теодор Гилбов, заключил союз с лютеранкой. За совершения таинства венчания в лютеранской кирхе, ее посещение и принятие в ней причастия (в отсутствие католических храмов в России), Будиню еще раз присоединил к православию первым чином патриарх Филарет⁴². Еще один наемник, видимо, того же подразделения, Ганс Гипкин, «Цысарской земли евангелицкой веры», попал из-под Новодевичьего монастыря в Свияжск. Таинство обращения было совершено на р. Свияге, после чего иностранца отослали на службу в Нижний Новгород. Гипкин стал прихожанином протестантской кирхи, где заключил смешанный брак и принимал причастие, и, как следствие, был снова введен в Русскую Церковь первым чином в 1625 г.⁴³

Практика перекрещивания пленников характерна и для Казани, очевидно, чтившей наследие патриарха Гермогена. После боя «на Никитской башне» сюда попала партия иностранцев. Один из них, некий Вилим, «Аглинские земли калвинские веры», рассказывал, что его «взяли под Московю при боярех на Никицкой башне». Иностранца направили в Казань, где было принято решение об изменении его вероисповедания. Важно, что казанские духовные власти сохранили каноническую последовательность обряда. Обращение включало обязательное оглашение. Англичанин прошел подначальство в доме пономаря, и только после этого священник казанского Девичьего монастыря Дмитрий присоединил его к православию⁴⁴. Два других наемника, очевидно, из того же отряда, Андрей Ромша «Цысарской земли люторской веры», и Христофор Стрик «Ливонские земли евангелицкие веры», после того же сражения оказались в Казани. Они находились в Преображенском монастыре, а затем на р. Булаге произошло таинство. Более каноничный вариант не повлиял на религиозность наемников. Обучение языку и правилам православия не принесло знаний русских законов английским, австрийским и ливонским протестантам. В Нижнем Новгороде при отсутствии строгого духовного контроля они вступили в смешанные браки, посещали кирху и один из них даже принимал причастие. В 1624 г. они встретились вновь на Патриаршем дворе при следующем перекрещивании⁴⁵.

Важно отметить, что после совершения таинства русские власти уже не боялись бегства и измены пленников. Получив свободу, пленники переходили в категорию служилых иноземцев. Все перечисленные иностранцы из различных поволжских городов были отправлены в Нижний Новгород. Там располагалась большая колония иностранцев, продолжали действовать 2 протестантские кирхи, где, в отличие от Москвы,

сохранялось богослужение и постоянно наличествовало лютеранское духовенство⁴⁶, присутствовал лютеранский прозелитизм. Однако он сталкивался с миссионерством в его русском понимании. В городе шла напряженная работа по перекрещиванию. В 1616 г. в Нижнем Новгороде упоминались новообращенные иностранцы (не только бывшие мусульмане). При награждениях 28 декабря 1616 г. «за астраханскую и яицкую службы» среди «нижегородцкои литвы» упомянут «новокрещен» Федосей Семенов. На следующий день в числе «нижегородской литвы и немец» названы еще 7 человек, маркированных термином «новокрещены»: Гаврил Тайкажев Флюверик, Кирилл Сапаев, Макар Власов, Василий Аталыков, Захар Иванов Красенский, Логин Корагашев, Павел Иванов Дробозов, Иван Брюсловец⁴⁷. Их происхождение неизвестно. В указанной группе новообращенные не доминировали. Значительная часть «нижегородских иноземцев» на период 1616 г. еще придерживалась западного христианства. Однако уже на следующий год многие из них стали православными. Существуют свидетельства от 1617 г. о перекрещивании 13 человек, упомянутых в перечне 1616 г. Когда они оказались в Нижнем Новгороде, неизвестно, в 1613 г. среди нижегородских помещиков они отсутствовали⁴⁸.

В процессе обращения активно участвовали светские власти. Причем заметна разница между 1612/13 г. в Алатыре и 1617 г. в Нижнем Новгороде. В последнем исполнялись все канонические правила. Обращение начиналось с обязательной челобитной на имя государя с просьбой о принятии православия: «Бил челом государю, чтоб государь ево пожаловал, велел крестить». После получения согласия («государь пожаловал, велел крестить»), от имени царя воевода Б.И. Нащокин направлял иностранцев в Печорский монастырь. Каждого неопита сопровождала наказная память воеводы к архимандриту Иову. Глава местной администрации указывал: «Дати их под начало и кормить за трапезою с братие вместе, чтобы ему никакие нужи не было». После оглашения и восприятия таинства («а как по уставу святых отец крещение ему будет») требовалось сообщить воеводе («про то сказати воеводе»). С соблюдением такой последовательности вступили в Русскую Церковь более десятка иноземцев⁴⁹. Среди неопитов просматривается преобладание выходцев из Речи Посполитой. Что касается способа приема в православие, то первый чин применялся без всяких оговорок и объяснений.

Таким образом, в 1612–1617 гг. иностранцев перекрещивали в Вологде, Пскове и Поволжье (Алатыре, Курмыше, Свияжске, Казани, Нижнем Новгороде). Все эти многочисленные события происходили при новом местоблюстителе патриаршего престола. После смерти Ефрема по старшинству был избран Крутицкий (Сарский и Подонский) митрополит Иона (Архангельский). Его позиция в отношении иноземцев хорошо известна – Иона запомнился современникам миропомазанием католиков. Его взгляды зафиксированы в постановлениях Собора 1620 г.⁵⁰

Вернувшийся в 1619 г. из польского плена патриарх Филарет начал разбираться в действиях предшественника, где увидел много недостатков, и возбудил сразу несколько следственных дел против местоблюстителя. Филарет оказался категорически несогласен с Ионой в вопросах о смещении с вологодской кафедры грека Нектария (признав ссылку незаконной и восстановив в правах опального епископа), о прилоге «и огнем» (сняв обвинения в ереси со справщиков Требника во главе с Дионисием) и, главное, о способе приема в православие западных христиан. Филарет приехал из Речи Посполитой последовательным сторонником Гермогена. В приговорах Собора 1620 г. изложена следующая очередность событий. Поводом к разбирательству стало выявившееся новое нарушение бывшего местоблюстителя. В период работы Собора 1619 г. по поводу исправления Требника на митрополита Иону поступил донос от двух священников церкви Рождества Богородицы в Столешниках, Ивана и Евфимия. В извете говорилось, что митрополит запретил перекрещивать двух поляков, Яна Слободского и Матфея Светицкого, и допустил католиков к причастию после миропомазания.

Филарет, вероятно, уже изначально настроенный против Ионы, начал процесс. Иван и Евфимий были призваны для расспросов на Патриарший двор, где сообщили: «Мы убо приходихом к Крутицкому митрополиту Ионе на двор докладывати ему о

иноземцах папешские веры, которые к нам приходили венчаться на дочерях русских. И как нам об них укажет, велит ли их крестити, таже и венчати со дщери рускими»⁵¹. Аналогично вологодскому священнику, Иван и Евфимий обратились к вышестоящему архиерею с вопросом о конфессиональной судьбе иностранцев. К рассматриваемому периоду шляхтичи осели в Москве и, будучи католиками, жили на территории прихода церкви Рождества Богородицы в Столешниках. Судя по более поздним документам, их зачислили в Панский приказ. Ассимиляция иностранцев шла успешно, в рамках русского общества они намеревались создать семьи. Согласно русским каноническим правилам, смешанные браки запрещались. «Ляхи» должны были стать православными, чтобы совершить таинство венчания. Священники оказались перед проблемой выбора чиноприема. С этим вопросом они обратились к главе Русской Церкви: «Что венчали они у себя в церкви с рускими дщери двух ляхов. А докладывали-де они о тех ляхах тебе, митрополиту Иону»⁵².

Местоблюститель дал точный ответ: «И митрополит Иона сказал: есть-де тому указ. И вынесл от себя из келеи книгу, таже приискав. И дал есть нам тое книгу сам митрополит»⁵³. Таким образом, пастырь разыскал рукописный кодекс. В его келейной библиотеке хранилось «Правило Святых апостол» – Номоканон⁵⁴, который мог быть частью как Требника, так и Кормчей: «Была-де у мене таковая правильная книга, а лежала на дворе моем в подклете у моего подъячево Яньки, и аз убо повелех ему ту книгу списати себе». Митрополит использовал древнерусский текст: «А выписал ис Кирикова вопрошения, что Нифонта, Новгородскаго архиепископа, вопрошал»⁵⁵. Как отмечалось, двойственность богословской трактовки проявилась уже в разных редакциях «Вопрошания Кирика». На определенном этапе текст «Вопрошания» подвергся правке, второй чин был заменен на первый. Однако митрополит Иона располагал древним списком и был твердо уверен в каноничности только миропомазания.

Местоблюститель рекомендовал сочинение в качестве образцового. Вернувшись с книгой, он дал списать «Вопрошание Кириково». Копию из митрополичьей рукописи делал подьячий Михаил Болтин, патриарший сын боярский, приходившийся еще и сыном патриаршему казначею: «И сам митрополит повеле нам ис тое книги выписывати указ. И в той же выписке есть рука его, митрополича, казначеева сына Михаила Болтина. А той убо Михаиле Болтин в то время был у митрополита Ионы в детех боярских. И что нам тогда в книзе указ дал митрополит Иона выписывать, тот Михаиле Болтин с нами же купно писал тут же в свиток». Передав свиток с «Вопрошанием Кирика» в его ранней редакции, местоблюститель Иона запретил московским приходским священникам перекрещивать католиков: «Да ты ж митрополит, указывал, выписав, и дал еси попом Ивану и Еуфимию, почему папешников ляхов миром помазывать, а совершенно в три погружения не крестити»⁵⁶.

К сожалению, неизвестна дата прецедента, как и то, насколько часто митрополит Иона раздавал духовенству «Вопрошание Кириково». Что касается Ивана и Евфимия, то они отправились в храм Рождества Богородицы в Столешниках и выполнили указания главы Церкви. Ян Слободский и Матфей Светицкий вступили в Русскую Церковь вторым чином. Однако священники не полностью согласились с выбором местоблюстителя и запомнили обиду. В дальнейшем они явились к патриарху Филарету с текстом, названным теперь «хартею»: «Принесоша же... хартию выписану ис правил по его митрополичью указу, еже не крестити, но токмо миром помазывать повелел им»⁵⁷.

Филарет призвал местоблюстителя на допросы. Иона оправдывался и поначалу спорил, отстаивая свои взгляды. Крутицкий митрополит признал, что совершил обряд миропомазания и доказывал его каноничность. Применение такого обряда свидетельствовало об отождествлении католиков со схизматиками, чьи отступления были менее опасны, и, кроме того, подразумевало действенность католического обряда крещения. Как следствие, патриарх Филарет обвинил митрополита Иону в расположении к католицизму. Он расценил, что митрополит действовал «ко угодению к тем еретиком», «чесо ради ты о том тако мнь глагола, ляхом ли угожда?»⁵⁸.

В период Смуты Иона, как и Новгородский митрополит Исидор, был готов идти на компромисс с инославной властью. До кафедры митрополита он был архимандритом Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском. В годы Смуты в городе установился «русско-польский альянс». Присягнув Лжедмитрию II в начале октября 1608 г., жители рассчитывали на защиту новой власти. Не исключено, что ими было составлено послание, в ответ на которое Лжедмитрий II взял под опеку монастыри города. «Тушинскому патриарху» Филарету должен был подчиняться игумен Троицкого Данилова монастыря Иона. В декабре 1608 г. самозванец направил Яну Сапеге грамоту с запрещением грабить православные обители Переславля-Залесского. Жители города вошли в отряды Яна Сапег и готовы были принять нового воеводу. Из тушинской ставки прибыл «пан Прокофий Карпович Стадницкий», который управлял городом. Духовенство Переславля-Залесского в этот период должно было подчиняться тушинскому «патриарху» – Ростовскому митрополиту Филарету. При приближении авангарда войск М.В. Скопина-Шуйского и Я. Делагарди в городе началось восстание, сбросившее власть Лжедмитрия II. П. Стадницкий уехал из Переславля-Залесского в Тушино. Александр Лисовский пытался отбить город и вернуть его под тушинское правление, но неудачно. Определенная группировка мирян и духовенства попыталась изменить ситуацию. В нее входили настоятели 3 монастырей: архимандрит Данилова монастыря Иона, архимандрит Горицкого монастыря Алимпий, игумен Борисоглебского монастыря Давид, игумен Никитского монастыря Леонтий. Они обратилась к Яну-Петру Сапеге с просьбой о возвращении тушинского воеводы. В послании говорилось, что при Стадницком духовенство и светские «были бережены и от всяких обид от ратных людей были целы... Вели, государь, ему у нас в Переславле быти воеводою по-прежнему, потому что от него к нам, по твоей милости и по приказу, береженье от ратных людей было великое, а кривды от него к нам не бывало никоторые, и чтоб, государь, в Переславле-Залеском государеву богомолью, монастырем и монастырским вотчинам, и нам, холопом государевым детишкам боярским, и нам сиротам посадцким людишкам и слобожаном, обиды, и насилства, и грабежу, и позору от ратных людей не было; и вели, государь, нам дати лист, чтоб от нас пану Прокофью в таборы и впредь не ехати»⁵⁹. Архимандрит Троицкого Данилова монастыря Иона был рукоположен в митрополиты Сарские и Подонские в 1610–1612 гг., при жизни Гермогена⁶⁰. За годы Смуты Данилов монастырь многократно разорился, и Иона пережил все нашествия. Можно предположить, что сохранившиеся прошения к Я. Сапеге отражают поиск стабильности в лице Лжедмитрия II и Филарета в хаосе бесконечных захватов.

Став местоблюстителем, Иона не проявлял прокатолических или проуниатских взглядов. В 1616 г. возглавляемый им собор иерархов направил окружное послание в Смоленскую и Черниговскую епархии, отвоеванные польской армией и переходившие в подданство Речи Посполитой⁶¹. Пастырское воззвание призывало покинуть унию тех, кто уже признал себя членом Киевской униатской митрополии. Святители предостерегали православных от возможного перехода в унию, который трактовался как измена русскому государю и России⁶². Удивительно, но в споре 1619–1620 гг. Иона ни разу не сослался на патриарха Игнатия. Очевидно, он не рискнул упоминать бежавшего в Речь Посполитую и ставшего униатом главу Русской Церкви⁶³. Иона предпочел найти опору в древнерусской традиции.

Фактически повторяя практику патриарха Игнатия и будучи явно знаком с текстами греческих чиноприемов, Иона не являлся при этом сторонником греческой традиции. Вологодского архиепископа Нектария он лишил кафедры и сослал в Кирилло-Белозерский монастырь. Филарет снял все обвинения с иерарха и наказал Иону. Кроме того, Иона осудил справщиков Требника, сверявших канонический текст с греческими образцами, отправив Дионисия и Арсения Глухого в заключение. Филарет признал верной позицию Дионисия, согласовав свою точку зрения с Иерусалимским патриархом Феофаном. Филарет считал себя последователем греческой традиции. С греческим чином Филарет мог ознакомиться не только в период правления патриарха Игнатия, но и в ссылке в Речи Посполитой.

В результате, хотя именно Филарет (в сане Ростовского митрополита) совершал в 1606 г. литургию вместе с патриархом-греком и подписался под приговорами Собора о миропомазании католиков, вину за действия Игнатия возложили на Иону. Глава Церкви отвел удар от себя. Игнатия же на Соборе 1620 г. проклинали, и, задним числом, «извергнули» из сана⁶⁴. Поступок митрополита Сарского и Подонского Ионы напоминал в изложении Собора 1620 г. венчание Марины Мнишек и Лжедмитрия I патриархом Игнатием. Подобный подход исключал оправдание местоблюстителя. Митрополит Сарский и Подонский Иона был признан виновным. В период суда ему было запрещено священнодействовать. После суда запрещение было снято. В качестве Крутицкого митрополита он еще 4 года участвовал в придворных церемониях. В 1624 г. он был сослан в вологодский Спасо-Прилуцкий Дмитриев монастырь, где и умер в 1627 г.

Таким образом, складывается следующая картина. При Игнатии применяется миропомазание, при Гермогене – перекрещивание. Во время правления Ионы в столице торжествовала практика миропомазания, в то время как на местах утверждалось перекрещивание. Местоблюститель сам упоминал о присоединении вторым чином многочисленных иностранцев⁶⁵. Филарет подобную практику осудил. Между тем делопроизводственные документы рисуют более сложную картину. Мнение Ивана и Евфимия о непреемственности второго чина не было уникальным. Перекрещивания происходили не только на местах, но и в столице. Так Войтех Иванов, подданный Речи Посполитой, попал в плен при освобождении Москвы в 1612 г., поступил на русскую службу без изменения конфессии. Серьезно заболев и, очевидно, находясь под угрозой смерти без последнего причастия, Войтех Иванов принял решение о смене вероисповедания. Вступление в Русскую Церковь стало для католика единственным выходом воспринять таинство (православная Церковь сохраняла учение о преемстве благодати). Добровольный выбор последователя папского престола был связан с экстремальной ситуацией болезни. В 1616/17 г. в церкви св. Климента в Китай-городе у Варварских ворот священник Богдан совершил таинство на р. Яузе. Крестным отцом стал банщик Макарь Федоров. Важно, что опасаясь кончины, спешивший Войтех Иванов не прошел оглашения (в 1623 г. ему пришлось восполнить этот пробел)⁶⁶.

В 1617/18 г. при схожих обстоятельствах в Москве принял православие первым чином западноевропейский протестант, скорее всего, представитель второго и более поколения иммигрантов («немчин старого выезда») Иван (Анц) Инцов. Находясь при смерти, он призвал православного священника. Можно предположить, что на его конфессиональный выбор повлияла ситуация в московской лютеранской кирхе св. Михаила. Пастор Антоний Вебер⁶⁷ скончался в 1618/19 г., московская лютеранская община осталась без духовного руководства. Анц Инцов не отличался особой набожностью – он не смог назвать точную деноминацию протестантизма, к которой принадлежал: «А которые он веры был наперед сего, того он не помнит, толко держал веру немецкую». Тем не менее он, видимо, опасался быть непогребенным по христианскому обряду. Инцов искал спасения души в православной Церкви. Таинство крещения совершил священник Благовещенской церкви около Воронцова поля Василий: «Крестил в немочи и латинское отрицанье ему говорил»⁶⁸. Таким образом, при Ионе приходские столичные священники полагали, что иного выбора, кроме первого чина, быть не могло. Подобная ситуация должна была привести к конфликту московского приходского духовенства с местоблюстителем.

Необходимо отметить существенную деталь: после таинства в приходских церквях Москвы (как и Пскова, Нижнего Новгорода и др.) «жалование за крещение» иностранцы на Казенном дворе не получали. Можно предположить, что Иона не санкционировал подобные действия приходского духовенства, и, как следствие, перекрещивания не имели государственной поддержки. Однако ситуация складывалась иначе. В отличие от Ефрема, от периода правления Ионы сохранились делопроизводственные документы светских приказов. Их данные находятся в полном противоречии с декларированной на соборе 1620 г. позицией митрополита. Материалы Казенного двора и Разрядного при-

каза постоянно фиксируют платы за перекрещивание в период местоблюстительства Ионы – с 1614 до 1619 г.

Из приказа Казенного двора в 1614 г. были вознаграждены за вступление в Русскую Церковь 6 иностранцев, 1615 г. – 1, в 1616 г. – 3 иностранца⁶⁹. Как видно, первоначально отсутствовали массовые обращения иностранцев-христиан, а за вступление в Русскую Церковь одаривались в подавляющем большинстве мусульмане. Немногочисленные неопиты из Европы были представлены в основном выходцами из Речи Посполитой. Лишь 2 человека были отнесены к западноевропейцам («немцам»). Преобладание среди новообращенных подданных Речи Посполитой сохранилось и в следующие годы, но кардинально другой стала статистика.

В 1617 г. конфессиональная политика властей резко изменилась. Имели место многочисленные обращения в Нижнем Новгороде, Пскове, в Москве в приходских церквях. Но с этого времени участие центральных учреждений стало особенно ощутимым. В 1617 г. «государево жалованье за крещение» на Казенном дворе (данные частично пересекаются с информацией Разрядного приказа) получили 33 человека, в 1618 г. – 30, в 1619 г. до торжественной встречи патриарха Филарета в Москве – 27 человек. Попытаемся связать эти изменения с внешнеполитической ситуацией. Число новообращенных отражает реакцию властей на польскую военную кампанию 1617–1618 гг. Принц Владислав, оспаривая законность власти Михаила Романова, предпринял поход на Москву. В этой обстановке началась волна обращений. Процесс присоединения к православию в московских приказах резко активизировался сразу после получения известий о подготовке польской экспедиции. Внимание властей привлекали «поляки», выехавшие ранее и зачисленные в Панский приказ с сохранением конфессиональных убеждений. В их числе был «лисовчик» ротмистр Степан Рышкеев, получивший «жалованье за выезд» в 1615 г. и переданный в ведение Панского приказа. Другой пример – судьба Григория Ольшевского, также получившего «жалованье за выезд» в 1615 г. и принявшего православие в 1617 г.⁷⁰

С пересечением войском Владислава границы появились пленники и перебежчики. Солдат и офицеров польской армии сразу доставляли в Москву для вступления в Русскую Церковь. Первыми подобными новообращенными можно считать «выезжих шляхтичей» Ивана Космачевского и Семена Вербитцкого⁷¹. Поражения Владислава и подписание Деулинского перемирия в 1618 г. повлекли массовый отток из его армии⁷², а также многочисленные захваты пленных. «Выходы» сопровождалась изменением вероисповедания.

Интересны случаи повторения дач «за крещение»: одни и те же фамилии иногда упоминались в документах Казенного двора несколько раз. «Литовские люди» Александр Полянский и Николай Синявский указаны в документах трижды, а Павел Залеский с 1617 по 1620 гг. «жалованье за крещение» получал на Казенном дворе 6 раз. Подобные прецеденты не единичны. Не располагая достаточной информацией для реконструкции подлинной истории таких случаев, можно выдвинуть разные версии. Известно, что иностранцы постоянно стремились доказать свою родовитость, и, соответственно, увеличить размер «жалованья для крещения», что им нередко удавалось. Кроме того, патриарх Филарет, распорядившийся перекрещивать многих иностранцев, мог признать, что в первый раз таинство произошло не в полном соответствии с нормой. Во многих случаях первое таинство могло быть нарушено контактами с неправославными. Не исключено, что некоторые иностранцы, получив свободу после присоединения, бежали, услышав о продвижении соотечественников и рассчитывая достичь выгодного положения в случае победы Владислава. После поражения польской армии они могли предпочесть возвратиться на русскую службу, где были заново подвергнуты перекрещиванию. Таким образом, за многократным одариванием могли скрываться разные события.

В целом можно говорить, что в Москве в 1617–1619 гг. была воспроизведена практика, применявшаяся на местах в Смуту. Бывших захватчиков предпочитали перекрещивать. Когда над столицей нависла угроза завоевания, процесс обращения резко

усилился. Пленников и перебежчиков принимали в православие аналогично действиям духовенства в Казани или Нижнем Новгороде: соблюдение канонических норм, в том числе прохождение оглашения, было обязательным.

Распространенность перекрещиваний в период междупатриаршества подтверждают высказывания шведского наемника и участника переговорного процесса Петра Петрея. Он был достаточно хорошо осведомлен о ситуации в России, неоднократно посещая страну в составе дипломатических миссий и военных отрядов. Окончательная версия его сочинения о России периода Смуты увидела свет в Лейпциге в 1620 г. Таким образом, текст был сформирован до Собора 1620 г. Записки Петрея содержат фразы о необходимости повторного крещения для западных христиан (католиков и представителей иных деноминаций): «Русские говорят, что католики и все другие христиане в свете крещены не так, как следует, потому что не всем телом погружаются в воду, а только окропляются несколькими каплями. Потому-то, когда они захотят обратиться, принести искреннее раскаяние и принять православную христианскую веру, их сперва надобно окрестить, например как татар и других язычников, а до того не дозволяется приобщать их»; «Русские думают, что одни только они христиане на земле»; «Русские думают, что блаженны верою»⁷³.

Петрей оставил подробнейшее описание обряда присоединения иностранцев-христиан, что важно, точно соответствующее приводимым выше «сказкам» новообращенных иностранцев. Процесс принятия православия был следующим: «Таким же образом (как и младенца) крестят и всякого отщепенца, отступившего от христианской веры и из жадности к деньгам принимающего идолопоклонническую русскую. Но сначала монахи учат его шесть недель в монастыре, как надо молиться, креститься и кланяться перед иконами за дневным и ночным богослужением. Когда ему надобно будет говеть и принимать Святые тайны, он должен проклинать и поносить прежнюю свою веру и положить на себя заклятие не принимать ее опять во всех ее статьях, да и жестоко гнать всех, ее исповедующих. После такого научения ведут его на воду и погружают в нее трижды всем телом, будет ли это зимой или летом. Русские говорят, что как Иоанн крестил в реке Иордане, так же должны креститься и эти язычники, или еретики, омыть свои грехи и беззакония и сделаться христианами. Потом надевают на новокрещенного чистую и тонкую одежду, дают ему другое имя и называют вместо Георгия Иваном или Василием. Если это будет зимою, прорубают на льду четвероугольное отверстие, раздевают обращенного донага и опускают его три раза в воду так, чтобы он ушел в нее с головой и ушами. Но сначала монахи кадят и крестят это отверстие со всеми обрядами, употребительными при крещении младенцев. Из воды вынимают новокрещенного монахи, священники и кумовья и от имени великого князя дают ему дорогие и новые платья, ведут его с собой в монастырь, угощают там и радуются, что окрестили его, потому что спасли его душу от ада. После этого ему дозволяется ходить в церкви и монастыри, если желает, есть и пить вместе с русскими и взять у них жену себе, а прежде он не мог делать того. Сверх того, великий князь дает ему 30, 50 или 100 талеров, смотря по лицу и качеству его покровителей»⁷⁴. Кроме того, в приложении Петрей поместил перевод «Вопрошания Кирикова» в версии, указывающей на первый чин⁷⁵. Интересно, что он не отметил применения перекрещиваний вторым чином.

Можно сопоставить это сочинение с одним из его основных источников – «Записками» Конранда Буссова. Последний появился в России в 1601 г., служил в войсках русских государей, Болотникова, Лжедмитрия II и Сигизмунда III, а покинул страну не позднее 1612 г. В его тексте нет подробных описаний перехода в православие, что, возможно, обусловлено как отсутствием специального раздела по религии, так и меньшим размахом обращений в описываемый им период. У Буссова есть лишь рассуждение, схожее с Петреем (у последнего оно переросло в развернутое описание): «Они считают одну только свою страну христианской, остальные страны под солнцем считают языческими, где, по их мнению, люди не крещены»⁷⁶.

В противоречии с Буссовым и Петреем находятся замечания Жака Маржерета о неприменении к католикам первого чина (но, видимо, использовании его по отношению

к протестантам). Можно предположить, что французскому наемнику больше запомнилась практика патриарха Игнатия. Маржерет отметил: «Крещенными они не признают никого, кто не крестился по греческому обряду. Однако освобождают католиков от необходимости перекрещиваться»⁷⁷. Представляется, что нельзя распространять его характеристику на весь период Смуты, ограничив ее временем правления Игнатия.

Итак, 3 иностранных автора отметили одну черту: русские не считали западное крещение истинным. У Буссова констатацией этого явления и закончено описание. У Маржерета фраза продолжена ремаркой о фактическом признании католического таинства крещения и непризнании протестантского. У Петрея она дополнена замечанием о перекрещивании всех западных христиан без учета деноминаций, а также почти детальной зарисовкой таинства. Она сходна с краткими фразами наемников на Патриаршем дворе и предполагает 6-недельное оглашение в монастыре, включающее обучение нормам православия и завершающееся первым анафематствованием прежних ересей. Затем следовало совершение таинства на реке.

Очевидна неоднозначность процессов, протекавших в рассматриваемое время. По вопросу способа присоединения западных христиан Иона, правление которого занимало почти весь период междупатриаршества, стоял перед серьезным выбором. Из его предшественников на патриаршем престоле выделялись двое: Игнатий и Гермоген. Первый из них придерживался греческого варианта присоединения католиков через миропомазание (протестантов через перекрещивание). Второй следовал Сводной редакции чиноприемов, предназначавшей для всех западных христиан перекрещивание. Таким образом, Иона должен был определить, какое из предписаний – Гермогена или Игнатия – было канонически верным. Жестких регламентаций на этот счет не существовало. К домонгольской традиции восходило бытовавшее в русских Требниках и Кормчих «Вопрошание Кириково». В нем речь шла о втором чине для католиков. Безусловно, на определенном этапе Иона четко выразил свою приверженность к миропомазанию по отношению к католикам и в качестве аргумента использовал «Вопрошание» в его первоначальной редакции.

На низовом уровне также происходил поиск наиболее адекватного для богословской мысли эпохи чиноприема. Приходские священники задавали архиереям вопрос о способе присоединения западных христиан. Вологодский священник точно не знал, как поступать с пленными «поляками» и «немцами». Через несколько лет московские священники оказались перед схожей проблемой. Подобные «вопрошания» отражают сомнения. При постоянной смене власти и ее указаний не было уверенности, какой чин верный. Местоблюститель Иона был известен своим пристрастием к миропомазанию. Согласно приговору Собора 1620 г., Иона отстаивал второй чин по отношению к католикам, и утверждал, что неоднократно применял его к «ляхам»⁷⁸. В среде приходского духовенства, наоборот, существовало убеждение о необходимости применения к западным христианам первого чина – на местах торжествовала линия Гермогена. Документы центральных учреждений времени правления Ионы изобилуют сообщениями о перекрещивании иноверцев. Эта линия поддерживалась правительством (в противном случае присоединение не оплачивалось бы Казной). В первые 3 года правления Ионы масштабных перекрещиваний не было, в архиве Казенного двора зафиксированы 10 «новообращенных» иностранцев, в основном из Речи Посполитой. В 1617–1619 гг. были перекрещены около 90 человек с явным преобладанием польско-литовских и украинско-белорусских фамилий; представляется, большинство из них были католиками⁷⁹.

Какое место в этих процессах занимал Крутицкий митрополит Иона? Кто принимал решение о перекрещивании, выбирал монастырь, отправлял на оглашение? Возможно, Иона не всегда был последователен и с 1617 г. под давлением обстоятельств принял идею перекрещивания. Литургически, догматически он полагал каноничным второй чин, но на практике смирился с необходимостью первого. Но возникают другие вопросы. Если Иона все же санкционировал зафиксированные архивом Казенного двора перекрещивания, то почему он не сообщил об этом на Соборе 1620 г. и отстаивал

перед Филаретом только миропомазание? Сохранившиеся документы показывают полную включенность местоблюстителя в судебные процессы по злободневным конфессиональным вопросам: распространению ересей, смешанных браков. Так, Иона возглавил церковный суд 1618–1619 гг., призванный решить – сохранять или расторгать брак между «иноверным черкашенином» Микитой Маркушевым и русской православной Анастасией Плещеевой. Первоначально разбирательство, инициированное Леонтием Плещеевым, вели в Разрядном приказе думные дьяки Сыдавной Васильев и Марк Поздеев. Результаты допросов они передали Боярской думе, которая направила бумаги далее по инстанции местоблюстителю. Дело об «иноверии черкашенина» было передано на рассмотрение духовному владыке⁸⁰. Как явствует из постановлений Собора 1620 г., Иона миропомазал «черкашенина» и сохранил брак. В 1618 г., таким образом, Иона выступил авторитетным арбитром в следствии о «неверии» Маркушевского. Мнение владыки вызвало недовольство Леонтия Плещеева, но оспорить приговор местоблюстителя он решился лишь по возвращении в Москву Филарета. Патриарх Филарет еще до Собора был осведомлен о деле казака: «Аз то ведаю и сам, что Маркушевского ты велел миром помазати», обратился он к Ионе на Соборе 1620 г.⁸¹

Аналогично рисуется положение местоблюстителя и дело Дионисия. Сверка русских богослужебных книг для переиздания Требника 1602 г. началась в 1615 г.⁸² и, видимо, не была изначально согласована с местоблюстителем. Переговоры о выборе редакторов вел боярин Б.М. Салтыков, фаворит царя, глава приказа Большого дворца. Другим инициатором книжной сверки стал находившийся в Москве келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий (Палицын). Редакционную работу возглавил архимандрит. Результаты труда справщиков были представлены владыке в июле 1618 г. В обстановке приближения к Москве войск принца Владислава под руководством местоблюстителя был созван церковный Собор, на котором присутствовал помимо Ионы архимандрит Чудова монастыря Авраамий. Решением собора Дионисий, Арсений Глухой, Иван Наседка были признаны виновными, лишены сана, отлучены от причастия и отправлены в ссылку. Дионисий оказался в Новоспасском монастыре, где обязан был в течение года нести жесточайшую публичную епитимью. В наказании Дионисия приняла участие инокиня Марфа – мать царя. Несомненно, инокиня Марфа была на стороне Ионы. Она покровительствовала местоблюстителю, одаривала его⁸³ и поощряла в бичевании Дионисия и даже лично мучила архимандрита. Иона видится приближенным к членам царской семьи человеком. Но взгляды влиятельной матери государя на западных христиан и их присоединение трудно определить. Еще более неочевидна позиция Салтыковых.

Объяснением резкого изменения конфессиональной политики властей в период торжества местоблюстителя может быть только скрытое противоборство. Не исключено, что одна группировка у трона поддерживала Иону, и, по крайней мере, не противодействовала миропомазанию, другая – санкционировала и проводила перекрещивания, отразившиеся в материалах Казенного и Разрядного приказов. Судя по приводимым выше документам Нижнего Новгорода 1617 г., в процессе обращения ведущая роль принадлежала светским властям. Как отмечалось, последовательность процедуры включала челобитную на имя государя, его согласие на присоединение, и далее выбор воеводой монастыря. В Москве воеводу должны были заменить главы приказов, традиционно участвующих в процессе присоединения служилых иностранцев. Непосредственные указания от имени царя (или по его прямому согласию) должны были даваться судьями приказов – Разрядного (дьяки С. Васильев и М. Поздеев), Панского (кн. А.В. Лобанов-Ростовский), не исключено, Посольского (дьяк С. Романчуков⁸⁴). Именно они могли отправлять иностранцев на оглашение в Чудов и Новоспасский монастыри. Таким образом, перекрещивания проводились настоятелями указанных монастырей, а местоблюститель не вмешивался или не мог вмешаться в этот процесс. В таком случае упоминавшееся выше дело Светицкого и Слободского относится к 1617–1618 гг., когда применение первого чина становится все активнее, и именно поэтому решение местоблюстителя о миропомазании вызвало удивление священников Ивана и Евфимия.

Очевидно, что группировка знати, оппозиционная Салтыковым, включающая дядю царя боярина И.Н. Романова, двоюродного брата царя, князя И.Б. Черкасского, и боярина Ф.И. Шереметева, была связана с монастырями (в первую очередь с Троице-Сергиевым) и исходила из прагматических задач обороны столицы. Поход Владислава не случайно спровоцировал массовые перекрещивания. Воевать против армии Владислава должны были и «поляки». Ко времени «королевичева прихода» на службе русского государя (в Панском и Разрядном приказах) находилось немало бывших подданных польского короля⁸⁵. Место погибших в бесконечных сражениях Смуты русских служилых людей занимали иностранцы, преимущественно выходцы из Речи Посполитой, которых не могли допустить до сражения в их прежней вере. С 1617 г. начинает действовать правило о присоединении к православию всех выходцев из Речи Посполитой⁸⁶. В отличие от западноевропейцев, «поляки» и «литвины» обязательно должны были стать в России православными. И очень важным оказывается чин приема в православие. Как полагает В.И. Ульяновский, «события Смуты показали и породили у Филарета подозрения, что все присоединенные к православию только миропомазанием иностранцы в критический момент могут «денонсировать» свое присоединение и выступить в роли врага. Для пущей подстраховки их следовало перекрещивать, что сильно осложняло возврат в прежнюю веру»⁸⁷. После обращения иноземцев первым чином власти не боялись их бегства и измены. После совершения таинства их выпускали из тюрем и направляли на службу. С этого момента иностранцы становились полноправными подданными государя – обращение в православие виделось гарантией верноподданничества. Перекрещенные, как заново рожденные, уравнивались в правах с русскими. Переход в православие первым чином лишал иностранцев возможности когда-либо вернуться на родину⁸⁸.

Результатом борьбы между придворными группировками стала победа сторонников перекрещивания иноземцев. Возвращение Филарета повлекло изменение элиты, Салтыковы были удалены от дел. Одновременно утратили свои позиции церковные иерархи, поддерживавшие практику миропомазания: Исидор умер в 1619 г. на Соловецком подворье Москвы, Иона был осужден на Соборе 1620 г. Патриарх Филарет сделал окончательный выбор. Канонически верной была признана Сводная редакция чиноприемов, которая уравнивала католиков и протестантов. Соборное постановление 1620 г.⁸⁹ утвердило Сводную редакцию чиноприемов в качестве обязательной канонической нормы. Практика перекрещивания восторжествовала на полстолетия до Собора 1666–1667 гг., отменившего первый чин в отношении католиков и вернувшегося к греческому чиноприему.

Примечания

¹ Согласно 1 правилу Василия Великого и 95 правилу Трулльского Собора существуют 3 чина приема в Церковь из других конфессий. В первом чине, предназначенном для еретиков, необходимо крещение. Во втором, обращенном к раскольникам, практикуется миропомазание. В третьем, касающемся самочинников, достаточной считается исповедь.

² Подробнее см.: *Опарина Т.А.* Греческий чин приема католиков в православие в сербских и украинско-белорусских памятниках и их влияние на русскую традицию // Вестник церковной истории. 2010. № 1/2 (17/18) (в печати).

³ Изд.: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. СПб., 1880. (Русская историческая библиотека. Т. VI). С. 22–62.

⁴ *Розов Н.Н.* Русские Служебники и Требники // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога. Вып. 2. Ч. 2. М., 1976. С. 327; *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 179, 180.

⁵ *Смирнов С.* Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913. Прилож. 1. С. 26.

⁶ Текст издан с сокращениями: *Красносельцев Н.Я.* К истории православного богослужения по поводу некоторых церковных служб и обрядов, ныне не употребляющихся. Казань, 1889. С. 126–133; *Арранц-и-Лоренцию М.* Чин оглашения и крещения в Древней Руси // Символ. 1988.

№ 19, июнь. С. 69–101; *его же*. Избранные сочинения по литургике. Т. 1. Таинства Византийского Евхология. С. 379–399; Т. 5. Введение в таинства Византийской традиции. Рим; М., 2003. С. 479–480. Анафематизмы опубликованы: *Дмитриевский А.А.* Богослужение в Русской Церкви в XVI веке: Историко-археологическое исследование. Ч. 1. Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств. Казань, 1884. Прилож. № 7. С. 89–100. О Сводной редакции см.: *Мансегов Н.* Патриарх Гермоген // Духовная беседа. Т. 13. СПб., 1861. № 27. С. 240, 424; *Сергий, еп.* О правилах и чинопоследованиях принятия неправославных христиан в православную веру. Вятка, 1884; *его же*. О правилах и чинопоследованиях принятия неправославных христиан в православную веру. Астрахань, 1904; *его же* [*Серафимов А.А.*]. Правила и практика Церкви относительно присоединения к православию неправославных христиан. Кострома, 1882; *Булычев А.А.* О публикации постановлений церковного Собора 1620 г. в мирском и иноческом «Требниках» (М., 1639) // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 2. М., 1989. С. 35–62; *Опарина Т.А.* Рукописная традиция Сводной редакции чинопойтий (в печати).

⁷ Акты нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. М., 1898.

⁸ *Успенский Б.А.* Царь и патриарх. М., 1998. С. 187–210; *Ульяновский В.И.* Смутное время. М., 2006. С. 235–275.

⁹ *Говорун М.А.* Вопросы о Церкви и вере в русско-польских переговорах 1610 г. // Средневековое православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1997. С. 177–189.

¹⁰ Санкт-Петербургский Институт истории РАН (далее – СПбИИ РАН), ф. 174 (Коллекция Соловьева), оп. 2, № 457, л. 1.

¹¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 142. М., 1913. С. 274; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук (далее – ААЭ). Т. II. СПб., 1836. № 210. С. 369–370; *Козляков В.Н.* Смута в России XVII в. М., 2007. С. 387–390.

¹² ААЭ. Т. II. № 61. С. 138–139.

¹³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). Т. II. СПб., 1841. № 158–160. С. 180–181.

¹⁴ *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 85.

¹⁵ *Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю.* Православие в Карелии (XV – первая треть XIX в.). М., 1999; *Петров И.В., Петрова М.И.* Епископ Сильвестр – первый архипастырь Корельской епархии. Электронный ресурс <http://eparhai.onego.ru/silvestr.htm>

¹⁶ *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 116–149.

¹⁷ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 4. Т. 8. М., 1989. С. 665.

¹⁸ *Опарина Т.А.* Вопросы свободы веры иностранных холопов в России первой половины XVII в. // Историография. Источниковедение. История России X–XX. вв. М., 2008. С. 159–186.

¹⁹ Вологодские акты // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 2. СПб., 1862. С. 63–64.

²⁰ Там же.

²¹ *Калачев Н.В.* Акты, относящиеся до юридического быта. Т. 2. СПб., 1864. С. 601.

²² *Зор[аво]мыслов К.Я.* Сильвестр, епископ Псковский и Изборский // Российский биографический словарь. Т. 18. СПб., 1904. С. 433.

²³ *Аракчеев В.А.* Псковский край в XV–XVII вв. Общество и государство. СПб., 2003. С. 188–197; *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода периода Смуты XVII в. М., 2005. С. 113–161.

²⁴ РГАДА, ф. 96 (Сношения России со Швецией), оп. 1, д. 7 (1618 г.), л. 17–18. Сведения указаны Е.И. Кобзаревой, за что приношу ей глубокую благодарность.

²⁵ Там же, л. 17.

²⁶ Там же, л. 8–9.

²⁷ Там же, д. 8 (1618 г.), л. 394–395.

²⁸ Там же, д. 7 (1618 г.), л. 7.

²⁹ Там же, л. 5.

³⁰ В числе владельцев пленников-холопов известны бояре Д.М. Пожарский, Д.Т. Трубецкой, В.П. Морозов, Ф.А. Сицкий, Ф.С. Куракин, Д. Сеитов, И.А. Плещеев, И.И. Салтыков, Ф. Михалков, дьяки М. Поздеев, С. Васильев, Ж. Шипов (РГАДА, ф. 96, оп. 1, д. 7 (1618 г.), л. 2–11, 13, 14; ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 13, д. 7, л. 136).

³¹ *Лисейцев Ц.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 2. М., 2003. С. 367; *Куненков Б.А.* Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство. Дис. ... канд. ист.

- наук. Брянск, 2007. С. 499; РГАДА, ф. 141 (Приказные дела старых лет), оп. 1, д. 2а (1618 г.), л. 12–13; ф. 96, оп. 1, д. 2 (1618 г.), л. 270, 397.
- ³² РГАДА, ф. 396 (Оружейная палата), оп. 2, кн. 279, л. 173 об.–175 об.; 202–203 об.
- ³³ Там же, л. 9 об., 43, 162 об.; кн. 278, л. 67–67 об, 223, 241.
- ³⁴ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ). Т. II. СПб., 1875. № 166. Стб. 639.
- ³⁵ РНБ, Соф. собр, № 1071.
- ³⁶ *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 45, 82–84, 331–332, 336.
- ³⁷ *Солодкин Я.Г.* Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Ч. 2. СПб., 1993. С. 119–122; *Ульяновский В.Л.* Указ. соч. С. 217–219. *Крушельницкая Е.В.* Келейный сборник Новгородского митрополита Исидора Соловецкой библиотеки № 860/970: Опыт изучения одной энциклопедической компиляции конца XVI в. // История в рукописях и рукописи в истории. Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей РНБ. СПб., 2006 С. 379–398; Правящая элита Русского государства. IX – начало XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006. С. 384–385.
- ³⁸ В книжном собрании Троице-Сергиева монастыря хранится список Сводной редакции (РГБ, Собр. МДА, № 188 (владельческая запись Симона Азарьина).
- ³⁹ *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. Новгород, 2008. С. 395–398.
- ⁴⁰ *Кобзарева Е.И.* К вопросу об избрании шведского королевича на русский престол и пребывание шведов в Новгороде: конфессиональный аспект проблемы // Новгородский исторический сборник. Вып. 11(21). СПб., 2008. С. 166–184.
- ⁴¹ СПбИИ РАН, ф. 36 (архив Археографической комиссии), № 84, л. 136–138.
- ⁴² Там же, л. 157–157 об.
- ⁴³ Там же, л. 156 об.
- ⁴⁴ Там же, л. 155–155 об.
- ⁴⁵ Там же, л. 156–156 об., 157 об.
- ⁴⁶ *Опарина Т.А.* Соотношения толерантности и нетолерантности в русском обществе первой половины XVII в.: история нижегородского пастора Ивана Абрамова // Наука, религия, общество. Вып. 36. СПб., 2005. С. 108–123.
- ⁴⁷ РГАДА, ф. 396, оп. 2, кн. 279, л. 108 об., 109.
- ⁴⁸ Там же, л. 109–113; ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 1, кн. 291; Акты нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. С. 60–64.
- ⁴⁹ Акты нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. С. 61–63.
- ⁵⁰ *Булычев А.А.* О публикации... С. 35–62.
- ⁵¹ Требник Мирской. М., 1639. Л. 95.
- ⁵² Там же. Л. 96–96 об.
- ⁵³ Там же. Л. 95–95 об.
- ⁵⁴ *Щапов Я.Н.* Некоторые юридические и канонические памятники в славянской письменности XII–XV вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога. Вып. 1. М., 1973. С. 8–9.
- ⁵⁵ Требник Мирской. Л. 57, 94–94 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 57, 95–95 об., 97 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 48.
- ⁵⁸ Там же. Л. 48 об., 97 об.
- ⁵⁹ АИ. Т. II. № 352. С. 419–420.
- ⁶⁰ Сведения предоставлены И.О. Тюменцевым.
- ⁶¹ ААЭ. Т. III. СПб., 1836. № 327–328. С. 478–479.
- ⁶² Там же. № 326. С. 478–479.
- ⁶³ *Булычев А.А.* История одной политической кампании XVII в. Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004. С. 70–95.
- ⁶⁴ Там же. С. 72–107, 254.
- ⁶⁵ Требник Мирской. Л. 48 об., 96 об.–97.
- ⁶⁶ РИБ. Т. II. № 166. Стб. 640. См. также: РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 7, л. 264, 265.
- ⁶⁷ *Amburger E.* Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russland. Lüneburg, 1998. № 1197. S. 508.
- ⁶⁸ РИБ. Т. II. № 166. Стб. 615–616.
- ⁶⁹ РИБ. Т. IX. СПб., 1884. С. 133, 297–298, 333; РГАДА, ф. 396, оп. 2, кн. 277, л. 46 об.–47, 127; кн. 278, л. 114.

⁷⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 7, л. 408; ф. 396, оп. 2, кн. 205, л. 305.

⁷¹ Там же, ф. 396, оп. 2, кн. 278, л. 65 об.

⁷² Скобелкин О.В. Переходы западноевропейцев из войск Владислава на русскую сторону в 1618 г. // Исторические записки: научные труды исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 17–26; Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII веков. Очерки исторической биографии и генеалогии. Кн. 1. М., 2007. С. 242–244.

⁷³ Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 452, 459.

⁷⁴ Там же. С. 446–447.

⁷⁵ Там же. С. 461.

⁷⁶ Буссов К. Московская хроника 1584–1613 гг. // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 81.

⁷⁷ Маржерет Ж. Состояние Российской империи. М., 2007. С. 128; Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 154.

⁷⁸ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 7, л. 408, 433, 442, 461, 563, 574.

⁷⁹ К сожалению, в светских документах крайне редко раскрывалось вероисповедание новообращенного. Но когда конфессиональная принадлежность известна, в подавляющем большинстве случаев это католицизм. За первую половину XVII в. дошли упоминания всего о 3 иммигрантах-протестантах из Речи Посполитой.

⁸⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 7, л. 280; Опарина Т.А. Иноземцы в России... С. 248–250, 255.

⁸¹ РГБ, Собр. Троице-Сергиева монастыря, № 741, л. 97.

⁸² Казанский П. Исправление церковно-богослужебных книг при патриархе Филарете // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1848. № 8. С. 1–26; Исправление богослужебных книг при патриархе Филарете // Православный собеседник, 1862. Ч. 2. С. 375–384; Чумичева О.В. Споры об исправлении Требника в первой половине XVII в.: текстологические аспекты // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Т. 56. СПб., 2004. С. 566–574.

⁸³ «Ноября в 30 день... государыня и великая старица инокиня Марфа Ивановна пожаловала Крутицкого митрополита Иону. Дано ему два аршина бархату рытого былово цена по рубль аршин» (РГАДА, ф. 396, оп. 2, кн. 204, л. 152).

⁸⁴ Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М., 2009. С. 674, 677, 680.

⁸⁵ Хорошкевич А.Л., Плигузов А.И., Коваленко Г.М. Апология Юхана Видекинда // Видекинд Ю. Указ. соч. С. 532.

⁸⁶ Опарина Т.А. Конфессиональные нормы принятия русского подданства шляхтичами-католиками Речи Посполитой (первая половина XVII в.) // Studia ofiarowane Profesorowi Juliuszowi Bardachowi w dziewięćdziesiątą rocznicę urodzin. Warszawa, 2004. S. 149–167.

⁸⁷ Ульяновский В.И. Указ. соч. С. 273.

⁸⁸ Опарина Т.А. Иван Наседка... С. 342.

⁸⁹ Гренков А. Собор, бывший в Москве при патриархе Филарете в 1620 г. и его определения // Православный собеседник, 1864. № 2. Кн. 1. С. 158; Булычев А.А. О публикации... С. 35–62.

© 2010 г. А. А. ДЕМИЧЕВ *

ЮРИДИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Комплекс исторических источников Нового времени в отличие от предшествующих периодов является чрезвычайно широким. Конечно, речь идет не только о количественных показателях, но и о качественном разнообразии, проявляющемся, в первую

* Демичев Алексей Андреевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Нижегородской академии МВД России.